

ся нашим общим сознанием воспитанников одной из лучших высших школ великой Исторической России, которая, если вычеркнута сейчас из бытия, в этом своем облике Исторической России, то именно потому, что заглохло в ней спасительное сознание этого «мы» во Христе, какое на всем протяжении нашего бытия национально-государственного составляло душу России.

С любовью во Христе преданный Вам

11/24 января 1957 г.

Архимандрит Константин

К. В. Покровский

ВСТРЕЧИ

После русской катастрофы 17-го года, многие из нас, питомцев Института, оказались вне России.

Рассеявшись по миру, мы зацепились, кто где мог и почти каждый из нас, в конце концов, сумел преодолеть незнакомые условия и найти твердую почву под ногами.

В этой жизненной борьбе за рубежом большую роль сыграли тот запас знаний, то общее развитие и та закалка, которые дал нам Институт. Едва ли можно сильно ошибиться сказав, что наши политехники не растерялись за границей и быстро снова встали на ноги, а некоторые из них оказались там настоящими «завоевателями».

Осколки нашей профессуры — объединили вокруг себя желающих учиться и стали играть иногда выдающуюся роль.

Имена профессоров Тимошенко, Лебедева, Ломшакова, Саввина, Тимашева, Струве, Бернацкого, Ельяшевича известны не только нам.

Известно также, что многие из питомцев Института достигли за границей выдающегося положения.

Все мы оставили Россию, попали в новый мир, для большинства из нас совершенно незнакомый, и в нем рассеялись. Но постепенно наши встречи начались за рубежом, связи крепили и как тепло было на душе, когда встречали мы друг друга. Как крепко жали руки!

Сейчас, на склоне лет, я вспоминаю эти встречи — все они такие разные по обстановке и такие похожие по содержанию.

Финляндия. Лето 1918 года. Я жил там, только что покинув Петербург. Однажды раздался звонок по телефону и далекий глухой голос приветствовал меня. Это был мой друг Е. А. Вечорин, который совершенно необыкновенным способом добрался до Финляндии, переехав на лодке известным всем залив. Через два часа я был уже на месте его высадки и мы радостно с ним обнялись.

Позже мы вместе с ним проехали в Америку и там расстались, чтобы снова встретиться через 37 лет в Генуе.

Будучи проездом в этом городе; я был более чем тронут, когда он с женою прибыл из Парижа, чтобы встретить нас. Поистине, дружба начавшаяся в Институте, не боится ни лет, ни расстояний.

Стокгольм. Мы оба очутились там проездом, получив визу только на 24 часа, и то с трудом. Узнав, что в Посольстве есть «наш» политехник — Б. А. Никольский, по тому времени Финансовый агент старого Правительства, мы пошли к нему. Психология бесправности не окрыляла.

Сдержано мы начали беседу, но встретили внимание, теплоту и дружбу.

Виза наша была быстро пролонгирована, найден хороший пансион, приглашение в дом в милую семью, где дочка лет семи учила меня правильному английскому произношению. Все это забыть нельзя.

Но как проехать дальше в С. Штаты, куда стремились мы? Наша телеграмма к С. А. Угету решила этот чрезвычайно сложный по тому времени, вопрос. Мы получили визу по его рекомендации. Он поверил, что мы «свои» и не побоялся дать свою гарантию.

Соединенные Штаты. Поездка в Вашингтон в Посольство. Надо было сдать вализу, посланную из Стокгольма.

Большой кабинет посла, стильная тяжелая мебель, все солидно и очень — как-то — необычно. Эта обстановка невольно подействовала на меня и я сжался.

Иза-за стола встает высокий красивый человек и нас приветствует. С. А. Угет в то время исполнял обязанности пос-

ла старого Русского Правительства. В нем мы нашли не только нужную нам моральную поддержку, но и дружескую теплоту. Не раз мы проводили время в его семье, где его милая жена оказывала нам много внимания и гостеприимства.

Часто мы заходили за разными советами в его контору в Нью Йорке, где он работал в качестве финансового агента старого Правительства, и находили там всегда полное внимание. Излишне говорить, что мы чувствовали дружеское «плечо» и это укрепляло наш дух.

Я помню это все сейчас так ясно и мне всегда становится так хорошо от этого воспоминания.

Китай. Начало 20-го года. Мы встретились случайно в Харбине с А. А. Стаховичем. Наши отношения в Институте были всегда хорошими, но здесь наша неожиданная встреча была особенно сердечна. Стахович только что приехал в Харбин, проделав тяжелый поход через Сибирь и чудом спасся там от смерти. Он был худ и нервен, — это не помешало ему вспомнить наше прошлое и наши «боевые» встречи на теннисных площадках Института. Он быстро выехал в Шанхай и далее в Париж. Мы и сейчас обмениваемся взаимными приветствиями.

Позже, — в Управлении бывшей Китайско-Восточной жел. дороги, в коридоре, я встретил небольшого плотного человека с палкой, — это был, известный всем старым питомцам Института, П. С. Игнациус — наш экономист. Встреча была шумно-сердечная. Расспросы — как попал сюда? Что буду делать? Масса советов.

Несмотря на свой недуг милый Павел Сергеевич был всегда веселым, оживленным человеком, — шумным, но интересным собеседником. Его любовь к Институту была прямо трогательной и все, что касалось Института, становилось ему близким. Он быстро стал центром нашего Объединения в Харбине, узнавал кто где живет и устраивал наши встречи, неизменно организовывая объединение 2-го октября. После тяжелой болезни Павел Сергеевич скончался в конце сороковых годов в Харбине.

В том же Управлении Китайско-Восточной жел. дороги я встретил Е. Н. Войтова, нашего металлурга, который, сделав крупную карьеру, был в то время Начальником движения этой дороги. Встреча была так же очень дружеской и мы поддерживали наши хорошие отношения в течение более 35 лет, часто вспоминая Институт. Этот сдержанный и сильный человек уехал в С. Штаты и, к сожалению, связь с ним прервалась.

Там же в Управлении встретились мы с Т. В. Бутовым, про которого мы говорили в шутку «отыскался след Тарасов». Этот очень умный человек, склонный к скептицизму, всегда растворялся, когда говорил об Институте, о коллегах и о молодости. Он был неперемнным членом наших объединений, внося в них много оживления. В 50-м году он уехал в Соединенные Штаты, где и скончался.

Высокая худая фигура Г. Н. Юраша с тонкой улыбкой и узкой бородкой была мною встречена также в Управлении Китайско-Восточной жел. дороги, он делал карьеру в Коммерческой Службе дороги, дойдя до поста заместителя Начальника.

Крепкое рукопожатие, расспросы, встречи в городе, и на наших объединениях, и хорошие дружеские отношения в течение долгих лет нашей общей жизни в Харбине. Я всегда встречал в нем живой интерес и к прошлому и к настоящему. А воспоминания об Институте были его любимой темой.

Сolidный, всегда спокойный А. А. Бернштейн, как то по особенному рад был встретиться со мной. Наши отношения окрепли в Харбине и оставались прекрасными почти до самой его смерти.

Выбрав себе профессию химика-фармацевта, А. А. Бернштейн создал солидную лабораторию и делал разные лекарства под маркой «Берн». Репутация его была безукоризненной. Последние годы он болел, ходил с трудом и скончался в Харбине в 57-м году.

В конце тридцатых годов в Харбин приехал из Парижа К. И. Зайцев — наш экономист — человек с большим обра-

зованием и широкими взглядами и интересами. Глубоко верующий и прекрасный музыкант он сразу же выделился среди харбинцев.

Избранный профессором Юридического факультета, К. И. занимался не только педагогикой, но принимал также участие в церковных делах, защищая Церковь от разных вредных политических влияний. Книга изданная под его редакцией и руководством «Пушкин и его время» осталась хорошим литературным наследством после его отъезда из Китая.

Очень тактичный и деликатный по своей натуре, он вызывал к себе всеобщие симпатии. Наши отношения были всегда хорошими и его отъезд из Харбина вызвал среди нас большое сожаление. К. И., приняв монашество и ныне Архимандрит Константин, — настоятель Свято-Троицкого Монастыря в Джорданвиле, США.

Нас — политехников - было много в Харбине и мы до войны ежегодно объединялись 2-го октября. Эти встречи были оживленными, дружными и полными воспоминаний о нашем Институте и тех коллегах, имена которых остались в памяти. Вспоминаю Мыслина, Зарцена и Лиссера, и экономистов Каменского и Каткова. К сожалению другие имена не удержала память.

Все мы были объединены годами прошлого, связанного с Институтом.

Покинув Китай, я, уже в Генуе, снова встретился с Е. А. Вечориным после 37-летней разлуки и мы не успели наговориться в течение короткого двухдневного свидания. Он привез мне приветы от П. П. Матюнина, — милого и «опасного» «ПЭМА» и от А. А. Стаховича. Мысленно мы всегда были вместе. В Генуе же я попытался вместе с Вечориным повидать нашего коллегу А. Н. Власова — этого человека необыкновенной судьбы, — но, к сожалению, его в городе не было. Я передал привет через молодого коллегу графа Бобринского.

Даже здесь в далеком Чили, я встретил людей когда то близких к Институту. Профессор Алексей Александрович

Лебедев встретил меня, как родного. Мы близко познакомились и я нашел в нем не только необыкновенное благородство души, но и какую то редкую скромность, которая бывает иногда характерной для людей, стоящих выше ординара. Профессор Петербургского Горного Института, лектор нашего Института в течение 13-ти лет, профессор Белградского Университета в течение 25-ти лет, и Кавалер Французской Академии он редко упоминал о своей работе в прошлом и о своих заслугах перед наукой. Интересуясь всем, что так или иначе касалось Института, Алексей Александрович, напрягая память, рассказывал о своих встречах и беседах в стенах Института.

Мы здесь часто объединяемся, вспоминая наше прошлое и молодые годы, связанные с Институтом. Наши коллеги не забывают нас. Карточка, полученная нашей ячейкой из Парижа, со многими подписями на ней, связанная с днем 2-го октября, нас глубоко тронула.

Из этих моих встреч с дорогими мне коллегами, в которых я ни разу не встречал ни тени холодности и равнодушия, можно сделать лишь тот вывод, что мы, питомцы Института, храним где-то в глубине души, часто не сознаваемое нами чувство солидарности. Среди забот и тревог нашей повседневности это чувство спит, но оживает всякий раз, когда происходят наши встречи. То богатство, которое дал нам Институт, объединяет нас и создает то общее, что нас роднит.

И этот очерк написан с тем же чувством дружбы, которое живет в нас, и отмечая и вспоминая это, невольно впадаешь в лирику.

Жизнь многих из нас подходит уже к концу; прошли годы насыщенные борьбой, совершенно иная обстановка, чем в России, окружает нас, но мы остались «политехниками», сохраняя и чувство дружбы и любовь к родному Институту.

Сентябрь 1957 г.

Чили.

Евгений Вечорин

МОЯ ПОЕЗДКА В ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ в сентябре 1957 года

«Брызжет, брызжет мелкий дождичек»...

Ветер срывает желтые листья деревьев.

На душе ноет музыка «Осенней Песни» Чайковского.

Еду навстречу осуществлению давно лелеянной мечты. Но почему же все больше мною овладевает какая-то грусть?..

Переживали ли Вы это чувство разочарования, когда после полувекового перерыва приходится видеть места детских и юношеских лет, оставивших яркий след в памяти?

Все оказывается как-то не так, не то, совсем другое, серое, чужое...

Куда же меня несет? зачем? на что?

Хочу еще раз повидать белые стены нашего родного Института, хочу походить по его бесконечным корридорам, хочу опять почувствовать себя молодым студентом...

Надумал получить там материалы по истории его за прошедшие 55 лет, чтобы ими освежить и заполнить задуманное «Добавление» к Юбилейному Сборнику 1952-го года. Память большинства сверстников слабеет и трудно уже вызвать к жизни пережитые чудесные дни. Нужны факты, имена, даты, а где их получить в точности, как не у первоисточника?

Вот и решился на отчаянный шаг, а сам волнуюсь и неуверен, что я там найду, как примут...